

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛОСОФСКОМ ПОКОЛЕНИИ КАК ВИД ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ¹

Е.С. Марчукова
Институт философии РАН

Аннотация: В статье приводятся размышления о понятии «философское поколение». Значимость самой постановки вопроса об определении, границах и характерных чертах того или иного философского поколения связывается с возможностью переосмыслить личный академический и жизненный опыт. Автор анализирует ключевые события своего профессионального становления и работы в Институте философии, рассказывает о коммуникации в философской среде, о специфике ряда научных проектов, об общей атмосфере и наиболее существенных моментах жизни Института философии во второй декаде XXI столетия.

Ключевые слова: философское поколение, Институт философии, философское сообщество, «Философская мастерская».

Не возьму на себя смелость претендовать на масштабные обобщения, размышляя об особенностях и специфических чертах философского поколения второй декады XXI столетия. Для меня непросто рассуждать о своем поколении изнутри как о чем-то цельном и четко оформленном. Возможно, что конкретные характерные черты, определяющие поколение, которому я принадлежу, могут быть выявлены через несколько лет, во временном удалении, когда у будущих поколений появятся критерии принципиального отделения «старого» от «нового».

Тем не менее сам по себе разговор о философском поколении как об особом феномене, попытки дать определение этому понятию заслуживают, по моему мнению, специального внимания. Постановка вопроса о специфике того или иного философского поколения не только раскрывает новые горизонты для теоретического осмысления отдельного периода и конкретных событий в жизни научного сообщества, а имеет, в первую очередь, особую ценность практического характера.

Вопросы о характерных чертах какой-либо философской эпохи, о проблемном поле философии определенного периода, о людях и событиях, определяющих дух времени, – ключевые моменты любого историко-философского исследования. Историк философии читает тексты того или иного мыслителя, как правило учитывая контекст господствовавшей тогда традиции. Эволюция взглядов философа, его цели и задачи определяются во многом и тем, что

¹См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1178–1186.

делают его современники. Философ мыслит в контексте своего времени, обдумывая и переживая актуальные изменения в интеллектуальной и культурной среде. Полемики, дискуссии, диалоги, переписки, живые пересечения и обстоятельства встреч, факты биографии – подобные контекстуальные аспекты так или иначе должны быть приняты во внимание в историко-философских исследованиях. Так почему бы не воспользоваться таким подходом в отношении самих себя? Иначе говоря, почему бы нам не посмотреть на себя глазами будущих историков философии, обладая, однако, существенным преимуществом, поскольку мы сами являемся живыми соучастниками и свидетелями зарождающихся тенденций.

Полагаю, что к размышлениям об этапах собственного профессионального становления можно относиться и как к своеобразной духовной практике. Подобного рода рефлексии, подразумевающие и взгляд назад, и вместе с тем взгляд изнутри и извне, открывают новые, порой совершенно неожиданные, опорные точки для самоидентификации.

Не рискну в рамках данной статьи предлагать какие-либо теоретические обобщения в отношении философского поколения, которому я принадлежу. Но, воспользовавшись такой благоприятной возможностью заново переосмыслить свой опыт пребывания в философской среде, хочу поделиться собственными впечатлениями о жизни и особой атмосфере Института философии и рассказать о случайных встречах, оказавшихся судьбоносными, о своих учителях и коллегах, отношения с которыми для меня особенно дороги.

Мой путь в философии начался в 2010 году. Откровенно говоря, изначально я вовсе не планировала поступать на философский факультет, а намеревалась связать свою профессиональную деятельность с изучением иностранных языков. К этой цели я планомерно шла несколько лет, посвятив много времени и сил специальной подготовке. Выбор же именно философского факультета был обусловлен скорее внезапным, непонятно почему и как возникшим, импульсом. Это решение было принято мною в самый последний, определяющий момент. По сей день я не могу ответить на вопрос о причинах такой резкой смены планов и о мотивах, побудивших меня к выбору именно этой специальности. Ведь на тот момент мое представление о предмете философии и о специфике этой дисциплины было довольно расплывчатым. Я не знала, чем я буду заниматься по окончании университета, не представляла, что буду делать на философском факультете и зачем вообще туда иду. Однако я очень хорошо помню состояние, которое я испытала на первой вводной лекции – это смешанное чувство восторга, нетерпения и трепета в предвкушении новых предметов, тем и дискуссий, уверенности и радости от ощущения себя «на своем месте» – именно там, где мне нужно быть здесь и сейчас. Признаюсь, что не могу вспомнить ни одного случая, когда я пожалела бы о своем выборе. Стало быть, именно тот внезапный порыв явился ключевым моментом, определившим мой жизненный путь, по крайней мере на последующие 10 лет.

Итак, мой путь в философию начался с обучения в Российском университете дружбы народов. Мне не хотелось бы представлять развитие событий по иному сценарию – как если бы на первом этапе пути мне довелось бы учиться у других преподавателей. Поясню. Мне приходилось разговаривать с людьми, которым в свое время по тем или иным причинам не повезло с преподавателями философии (как правило, речь шла об общем курсе философии в рамках обучения на других специальностях). Эти люди не только не понимали и не разделяли моего восторга от погружения в философию, их воспоминания о курсе философии были пропитаны чувством отторжения и крайней неприязни ко всему, что так или иначе связано с самим словом «философия». Всякий раз мне было невероятно горько слушать их рассказы; я задавалась вопросом, как возможно за один-два семестра не просто не заинтересовать студентов этим особым миром (а многие из моих собеседников изначально даже были заинтригованы и с любопытством ждали начала курса философии), но и навсегда отвлечь от предмета философии?! Я упоминаю здесь об этом печальном обстоятельстве

стве только для того, чтобы показать, насколько мне повезло делать первые шаги в философии именно с теми преподавателями, которых я застала тогда в своей alma mater. Со многими из них я поддерживаю связь и по сей день.

На первом же курсе мне посчастливилось познакомиться со своим первым научным руководителем, вместе мы проработали 6 лет. Михаил Львович Хорьков читал в то время курсы лекций по греческой философии и философии Средневековья. Во многом благодаря именно этим лекциям, а также внеаудиторным занятиям, которые Михаил Львович проводил для узкого круга студентов, интересующихся какой-либо специальной темой (к сожалению, далеко не каждый преподаватель может найти время и силы для организации подобных мероприятий, а ведь именно такой формат работы дает возможность студентам выработать и совершенствовать специальный навык чтения философских текстов, в том числе оригинальных), у меня сформировалось не только понимание специфики предмета философии, но и представление о философии как об особом пространстве, в котором объединяются разные миры, каждый из которых обладает своим неповторимым ароматом и красками. Я помню, как абсолютно искренне верила Фалесу, а потом Анаксимандру, а затем Анаксагору, Эмпедоклу, Демокриту, Платону... Помню и свое изумление, когда я заметила, что эти учения, имеющие в своем основании совершенно разные подходы к проблеме, не являются, однако, взаимоисключающими, но наоборот – каждая теория становится только убедительнее и красивее оттого, что рассматривается именно наряду с другими.

Михаил Львович предложил мне в начале второго курса написать работу «Понятие красоты в философии Николая Кузанского». Эта тема настолько меня увлекла, что определила направление моих исследований на ближайшие 5 лет! И по сей день Николай Кузанский остается одним из моих любимых философов, труды которого я перечитываю с особым наслаждением.

О результатах тех исследований мне посчастливилось рассказать на российско-нидерландской встрече, которая состоялась в январе 2014 года в Институте философии РАН. Я впервые пришла в институт. Помню свое волнение во время доклада. Главная причина переживаний, охвативших меня тогда, заключалась не в том, что это сообщение было одним из моих первых публичных выступлений на немецком языке, уровень владения которым на тот момент был у меня далек от совершенства... Дело в том, что совсем рядом с трибуной докладчика сидела Нелли Васильевна Мотрошилова. На протяжении всего доклада я чувствовала ее внимательный взгляд (каково же было мое изумление, когда по прошествии стольких лет, сейчас работая над этой статьей, я обнаружила, что на сайте института сохранилась фотография, на которой запечатлен как раз тот момент)! В тот день мы не познакомились с Нелли Васильевной лично. Разумеется, тогда я не могла даже представить, что совсем скоро у меня появится возможность работать вместе с Нелли Васильевной, и уж тем более я не могла мечтать о том, чтобы когда-нибудь стать ее аспиранткой...

По окончании бакалавриата я приняла решение поступать в магистратуру ГАУГНа, чтобы иметь возможность продолжать работать под научным руководством М. Л. Хорькова, который к тому времени завершил преподавательскую деятельность в РУДН и уже работал (и работает по сей день) в секторе западной философии Института философии. Благодаря Михаилу Львовичу состоялось мое знакомство с руководителем сектора Юлией Вадимовной Синеокой. О нашей первой встрече хочу отдельно сказать несколько слов.

Меня приятно удивило, что эта встреча была меньше всего похожа на официальное собеседование – одно из тех формальных мероприятий, когда принято сидеть со строгими лицами и с чрезвычайно серьезным видом говорить о своих будущих творческих планах. Надо отметить, что подобный формат, как мне кажется, вообще является чем-то инородным, чуждым и совершенно не свойственным атмосфере Института философии и характеру

большинства сотрудников. Встреча проходила в уютном кафе. Помимо беседы о профессиональных интересах мы также говорили и об отвлеченных, житейских вещах. У меня остались очень теплые воспоминания о той встрече. Тогда я подумала (и это предположение много раз подтверждалось впоследствии), что для Юлии Вадимовны, безусловно, важен профессиональный уровень коллег, но не менее существенным моментом являются и их человеческие качества, открытое живое общение. Меня воодушевляет тот факт, что в Институте философии работает много людей, в которых также выдающиеся академические заслуги и высокий профессиональный уровень сочетаются с добрыми личностными качествами – внимательностью, сердечностью и чуткостью.

Полагаю, что отчасти этим и обусловлен успех ряда проектов, задуманных и осуществленных Ю. В. Синеокой как в Институте философии, так и за его пределами. Цикл лекций «Анатомия философии» в библиотеке им. Ф. М. Достоевского на Чистых прудах [URL: https://iphras.ru/anatomia_text.htm#], диалоги «Реплики» [URL: https://iphras.ru/anat_rep.htm], проект «Философская мастерская» [URL: https://iphras.ru/phil_master.htm] и др., сам формат этих мероприятий предполагает, помимо всего прочего, личную заинтересованность участников в живом общении как с коллегами, так и со слушателями. Все эти проекты позволяют разрушить незримую стену между учеными и людьми, далекими в профессиональном отношении от философии, но интересующимися ею; такие проекты дарят возможность живого взаимодействия и диалога, что, к сожалению, в современных реалиях научной жизни довольно редкое явление.

Процесс организации этих мероприятий заслуживает особого внимания. Один из упомянутых проектов, носящий в большей мере академический, чем просветительский характер – «Философская мастерская», – начатый в 2018 году и существующий по сей день, сплотил и подружил молодых сотрудников сектора истории западной философии, превратил нас в сообщество единомышленников. Уникальный формат этого проекта был бы невозможен в отсутствие особых товарищеских отношений между участниками команды – Ольгой Игоревной Кусенко, Наталией Анатольевной Татаренко, Алексеем Геннадьевичем Жаворонковым, Артемом Тимуровичем Юнусовым, Даниилом Олеговичем Аронсоном. В эту группу вхожу и я.

Ценность такого особого формата общения с коллегами состоит, по моему мнению, как раз в неповторимой атмосфере, установившейся внутри этого узкого пространства. Хотя участники данной группы являются людьми совершенно разных темпераментов, склада, образа мысли и у каждого своя сфера научных интересов, все они открыты для обсуждения новых идей. Отношения в кругу участников этой группы (а именно этих людей я причисляю к своему поколению – не по возрастному критерию, а ориентируясь исключительно на внутренние ощущения) – это атмосфера интеллектуального доверия, взаимоуважения, внимания к другому, готовности слушать и свободно выражать собственную позицию. Такого рода отношения с коллегами сами по себе радостны и уютны, но они также чрезвычайно важны именно (и особенно) для философского сообщества. Потому для меня так ценно, что примеры такого общения и особых связей с коллегами имеются в Институте философии, и, к счастью, их немало.

Интеллектуальная свобода – состояние, отличающее и определяющее общий климат в Институте философии. По крайней мере, такое впечатление сложилось у меня за, пока непродолжительное, время работы здесь. Мне сложно представить положение сотрудников института, например, в советское время (об этом уже имеется некоторое количество мемуаров, предполагаю, что и в данном сборнике можно будет обнаружить немало интересных свидетельств). Во все времена были препятствия и трудности определенного рода, которые сотрудникам института приходилось преодолевать. Сложности есть и сейчас. Я говорю о не-

которых, привнесенных извне, требования формального характера, которые порой бывают просто несовместимы с самим творческим процессом, но с которыми так или иначе приходится считаться. Важно и существенно, что и в этих условиях внутренняя жизнь института организована таким образом, что можно свободно выбрать темы научных исследований, что в стенах института возможно реализовать свои творческие замыслы, поделиться идеями новых проектов и получить отклик и поддержку коллег. (Нахожу само слово «коллеги» неудачным и совершенно не подходящим в контексте моего повествования, ибо такое определение предполагает, на мой взгляд, отношение холодной отстраненности и некое дистанцирование, не говоря уже о том, что от него веет формализмом. Мне не нравится это слово. Я не воспринимаю людей, о которых писала выше, «коллегами». Но, к сожалению, пока мне не удастся найти наиболее точное понятие, и я вынуждена пользоваться этим определением.)

Мне радостно оттого, что я могу в любой момент обратиться к своим коллегам с интересующим меня вопросом, и я уверена, что мне не просто не откажут в консультации, но, как это уже не раз бывало, разговор может перерасти в увлекательную, продолжительную беседу-дискуссию, в которой рождаются новые идеи и которая дарит обеим сторонам вдохновение и новые силы для работы. Я особенно ценю эти моменты и связи, поэтому хочу еще раз подчеркнуть, что Институт философии для меня – это, прежде всего, особое пространство, которое порождает именно такие отношения. Эти отношения органично встраиваются в тело института, они естественны и необходимы для жизни института.

Стоит отдельно упомянуть, что в Институте философии также создаются регулярные научные семинары, в рамках которых у заинтересованных сотрудников есть возможность медленно и обстоятельно читать и обсуждать тот или иной оригинальный философский текст или же повысить свой уровень владения иностранным языком. Существенно, что подобные мероприятия вообще иницируются в Институте философии и функционируют годами, ведь эти семинары живут лишь благодаря увлеченности и энтузиазму участников. Я бы сказала, что такие формы сотрудничества и общения жизненно необходимы для успешной работы исследователя. Отрадно, что подобные семинары создаются не только в стенах института. Например, такие живые формы научной работы организует Петр Владиславович Резвых, с которым мне посчастливилось познакомиться еще в РУДН и повезло в свое время слушать его блестящие лекции по немецкой классической философии. И хотя мне удается присоединиться к совместному чтению и обсуждению Гегеля, Хайдеггера или Шеллинга в рамках семинаров Петра Владиславовича, к сожалению, не так часто, как хотелось бы, эти встречи – важная часть моей профессиональной жизни.

Я уже упоминала имена некоторых коллег, которых можно было бы причислить к философскому поколению второй декады XXI столетия. Скажу о них немного подробнее и назову еще несколько имен. Конечно, чаще всего мне удается общаться с коллегами, с которыми работаю в одном секторе и вместе с которыми принимаю участие в организации проекта «Философская мастерская». И хотя нас объединяет любовь к истории философии, темы наших исследований и области научных интересов различны. Например, О. И. Кусенко занимается философией итальянского гуманизма и итальянской философией XIX–XX веков и, нужно отметить, является одним из немногих специалистов в этой области в России сегодня. Н. А. Татаренко, чья сфера научных интересов немецкий идеализм, является редким, если не единственным, в нашей стране специалистом по эстетике Гегеля. По словам Н. В. Мотрошиловой, а Наталия Анатольевна была ее аспиранткой, поиски оппонента для защиты диссертации по теме «Тезис Гегеля о конце искусства и его трактовка в современной философии» вызвали в свое время большие трудности. А. Т. Юнусов связал свою профессиональную деятельность с наследием Аристотеля; будучи прекрасным специалистом по истории античной философии, он пишет также работы по логике, эпистемологии и аналитической фи-

лософии. Д. О. Аронсон – яркий специалист по немецкой классической философии, в частности по философии Канта, также пишет работы по политической философии и, кроме того, живо интересуется проблемами экологии и принимает активное участие в мероприятиях, направленных на улучшение экологической ситуации.

В других секторах института также работают молодые коллеги, с которыми я чувствую единение в контексте разговора о принадлежности одному поколению. И хотя в силу существенных различий наших специальных интересов нам нечасто удается общаться на профессиональные темы, я все же стараюсь следить за их творчеством. Полагаю, что эти люди составляют и во многом определяют философское поколение второго десятилетия XXI века в России. Признаюсь, что боюсь сейчас перечислять по именам всех коллег, которых можно было бы отнести к числу таких людей, ведь кого-то я могу не упомянуть в силу забывчивости (человеческий фактор работает везде и всюду), а с кем-то я и вовсе пока не знакома. Поэтому прошу не искать в моих словах претензии на исчерпывающие сведения о составе поколения, которому я принадлежу. Назову лишь несколько имен – Б. В. Подорога, А. С. Цыганков, А. В. Катунин, А. Ю. Бердникова и др. Кроме того, стоит назвать также имена коллег не из Института философии, а получивших образование и работающих в НИУ ВШЭ, без которых я не мыслю свое философское поколение как таковое. Я говорю об Анне Михайловне Винкельман, которая в настоящее время работает над диссертацией на тему «Метафизика любви Шеллинга» и Антоне Сергеевиче Цыгурове, исследование которого посвящено философии Канта. С ними я нередко пересекалась и на научных конференциях, и в рамках семинаров, организованных П. В. Резвых, и на «Философских мастерских». У меня нет никаких сомнений в том, что вскоре после успешного окончания аспирантуры они заявят о себе как серьезные самостоятельные исследователи.

В продолжение разговора об особых связях с коллегами и вместе с тем возвращаясь к повествованию о важных этапах своего профессионального становления, считаю особенно важным рассказать о работе с Нелли Васильевной Мотрошиловой. Как я уже говорила, впервые Нелли Васильевну я увидела на конференции в начале 2014 года в Институте философии, но познакомилась и начала работать с ней уже будучи студенткой магистратуры ГАУГ-На. Работа заключалась в наборе рукописных текстов Нелли Васильевны и их электронном оформлении. Сама по себе такая деятельность не являлась чем-то особенным, но ценность этой работы для меня состояла в том, что это были рукописи Мотрошиловой, и мне таким образом удавалось одной из первых читать ее тексты. Я также особо ценила возможность каждую неделю находиться рядом с Нелли Васильевной и слушать ее и других коллег, труды которых еще совсем недавно изучала в рамках учебы на бакалавриате. В то время это было для меня без преувеличения подарком судьбы!

А уже в 2017 году я поступила в аспирантуру Института философии под научным руководством Нелли Васильевны. Первые шаги в работе над диссертацией давались мне чрезвычайно трудно. Помню, как страшно мне было поначалу показывать очередной результат своих научных изысканий. Помню, как я сидела в ожидании, пока Нелли Васильевна внимательно изучала мой текст, и по ее лицу пыталась понять, есть ли надежда, что хотя бы одно предложение вышло удачным. Затем были долгие часы обсуждения, когда Нелли Васильевна с бесконечным терпением, скрупулезно, предложение за предложением, разбирала мою работу, тщательно обсуждая со мной каждую деталь, мы вместе искали и находили более удачные формулировки... Это была настоящая работа над текстом, тренировка навыка научного письма – бесценный опыт, который невозможно получить, слушая лекции или читая книги. Конечно, собственный стиль и слог тренируются и совершенствуются годами и даже десятилетиями. В то время Нелли Васильевна подарила мне средства и методы для работы, которыми я буду пользоваться всю жизнь.

Раскрою еще один момент совместной работы с Нелли Васильевной, который, полагаю, можно расценить как особый педагогический прием с ее стороны. Возможно, что именно эта деталь явилась самым существенным фактором моего становления в качестве самостоятельного исследователя. А именно – за все эти годы Нелли Васильевна ни разу не отклонила и не забраковала ни одной моей идеи, какой бы спорной и сомнительной она ни казалась на первый взгляд. Всякий раз я получала предложение развить и раскрыть свою мысль. Порой мои соображения оказывались тупиковыми, а иногда из этих зерен проросло что-то содержательное и существенное. Но важно другое. В какой-то момент я просто перестала бояться показывать свои наработки, будучи уверенной, что в любом случае получу поддержку своего учителя, ведь мы на одной стороне и делаем одно дело. В моменты внутренних сомнений, которые, думаю, случаются у каждого молодого исследователя, вдохновение и мужество для дальнейшей работы мне давала и дает именно вера Нелли Васильевны в мои силы. Возможно, что это и есть самый главный аспект в отношениях учителя и ученика. По крайней мере, когда и если мне представится возможность оказаться на месте учителя, я буду стараться продолжить эту нить, удерживая в памяти именно это чувство взаимного доверия.

Подводя итоги, могу совершенно откровенно сказать, что я счастлива работать в Институте философии. Я рада, что занимаюсь любимым делом среди людей, с которыми приятно и интересно общаться. Я благодарна Ю. В. Синеокой за приглашение к участию в этой книге и возможность еще раз задуматься об этапах собственного профессионального становления и заново переосмыслить свой путь в контексте разговора о понятии «философское поколение». Еще раз отмечу, что подобная практика, на мой взгляд, чрезвычайно полезна и даже необходима для каждого, кто занят в сфере гуманитарных исследований, особенно для философов. Такая постановка вопроса позволяет обнаружить что-то важное и существенное в самом себе, отыскать и обнажить особые связи, которыми пронизана наша жизнь. Эти, на первый взгляд очевидные и банальные, прозрения, однако, зачастую так и остаются сокрытыми от нас самих – мы либо слишком погружены в научные исследования, либо нас затягивают и отвлекают какие-то неизбежные, но, по большому счету, совершенно пустые житейские мелочи. Думаю, что важно также периодически возвращаться к вопросу о поколениях, всякий раз заново переосмысливая свой путь. С одной стороны, к подобным размышлениям можно относиться как к особым интеллектуальным упражнениям или расценивать такую деятельность как некий вид духовной практики. С другой – результаты этих самонаблюдений могут стать и основой для новых теоретических построений.